

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Д.В. Козловский

*Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.,
г. Саратов, Россия*

Целью настоящей статьи является изучение специфики синергии эвиденциальной семантики со значениями других модальных категорий в пространстве политического дискурса массмедиа. Материалом исследования выступают 1000 дискурсивных эвиденциальных контекстов из электронной версии британского журнала *The Economist*, полученные методом сплошной выборки. При проведении исследования используется лингвосинергетический метод анализа дискурса, что позволяет описать синергетическую эвиденциальную модель и выявить добавочную мультимодальную семантику наряду с основным значением данной категории, предполагающим квалификацию источника информации о том или ином событии. В ходе исследования доказано, что базовая эвиденциальная семантика (эвиденциальность, авторизация, персональность, восприятие, темпоральность) может расширяться за счет включения в ее смысловое поле значений аппроксимации, отрицания, модальности, оценочности, экспрессивности, эмотивности и персуазивности в контексте осуществления принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модальных смыслов. Описанная мультимодальная эвиденциальная семантика актуализируется в дискурсивном пространстве при помощи различных лингвосинергетических моделей сцепления, отражая интенциональную доминанту политического дискурса массмедиа, связанную с необходимостью убеждения и побуждения читателя к определенным действиям, а также представления фактов в необходимом автору дискурсивного контекста ракурсе. Значимость исследования заключается в возможности дальнейшего использования его результатов в ходе изучения особенностей репрезентации суггестивной стратегии политического дискурса посредством эвиденциальных смыслов, а также классификации видов суггестивной эвиденциальности в дискурсивном пространстве.

Ключевые слова: эвиденциальность, модальная категория, политический дискурс, лингвосинергетика, автор, читатель

Введение

В настоящее время лингвистика акцентируется на проблеме взаимодействия субъекта и адресата, дискурса и власти, пытается выявить роль языка, в том числе языка массмедиа, в непрекращающейся борьбе человека за влияние и власть. В этой связи в русле изучения дискурсивного пространства наряду с понятием «массмедийный дискурс» формируется термин «политический дискурс массмедиа». Данный жанр дискурса представляет собой сложное коммуникативное явление, целью которого является борьба за власть посредством убеждения и конструирования общественного мнения и сознания. Политический дискурс массмедиа включает текст как вербализованный результат речи, социокультурный и ситуативный контекст, а также языковые средства, отобранные в соответствии с целями и задачами дискурса. Дополняя материал необходимыми авторскими установками, политический массмедийный дискурс выступает в качестве инструмента управления сознанием конечного адресата информации, при этом акцент на массового адресата определяет специфику репрезентируемых сведений – логичные доводы, не впечатляющие аудиторию, уступают место практичным и ярким идеям, чувствен-

ным образам, лексике, вызывающей ассоциации [7, с. 5].

Политический дискурс массмедиа создает образ, отражающий объективную реальность, однако не равный ей. Конструируемая автором интерпретативная реальность существует параллельно объективной реальности, а конечный адресат дискурса реагирует на данную «новую» реальность. Субъективность аналитических и редакционных текстов политического дискурса массмедиа проявляется в авторской интерпретации и оценке, что позволяет выявить воздействующую функцию передаваемых сведений. Следовательно, информация в политическом массмедийном дискурсе непосредственно связана с человеческим фактором, что позволяет оказывать персуазивное воздействие на общественное мнение [4].

Реализация коммуникативных намерений автора в рамках политического дискурса массмедиа предполагает модификацию восприятия передаваемых сведений потенциальным читателем [2, с. 8]. Немаловажно, что кодификация информации в рамках политического дискурса осуществляется в мультимодальном и поликодовом режиме, что позволяет автору оказывать наиболее эффективное воздействие на адресата. Авторская квалификация

сведений может происходить как в явной, так и в скрытой форме с помощью языковых средств различных категорий, в частности посредством показателей категории «эвиденциальность».

В русле современных исследований эвиденциальность рассматривают как модусную категорию, связанную с квалификацией и оценкой передаваемых сведений наряду с маркировкой источника и характера репрезентируемой информации [3, 6]. Эксплицитные и имплицитные средства выражения эвиденциальности в языке включают глаголы, наречия, прилагательные, существительные, модальные слова, а также устойчивые словосочетания. Указанные показатели образуют 10 групп операторов категории «эвиденциальность»: неявного указания (*hint, intimate, mention*), явного указания (*denote, indicate, say*), выражения мнения (*believe, consider, give an opinion*), усиления значимости высказывания (*celebrate, emphasize, stress out*), сомнения (*admit, doubt, worry*), уверенности в знании (*clear, evident, obvious*), мыслительной деятельности (*imagine, realize, reflect*), предчувствия (*await, hope, guess*), чувственного восприятия (*feel, hear, sensate*) и умственного восприятия (*recall, recollect, remember*) [5, с. 124].

В настоящее время существует большое количество исследований, посвященных проблематике эвиденциальности, при этом научные труды, рассматривающие репрезентацию данной категории в дискурсе массмедиа, не так многочисленны [8, 10], а работы на материале политического массмедийного дискурса практически отсутствуют.

В ходе конструирования дискурса автор осуществляет воздействие на читателя при помощи языковых эвиденциальных средств [12, 13]. Значимость установления и описания специфики эвиденциальных смыслов, формируемых автором в массмедийном пространстве с целью оказания определенного воздействия на конечного адресата политического дискурса, а также недостаточная изученность репрезентации категории «эвиденциальность» в данном жанре дискурса массмедиа составляют актуальность настоящей работы. Целью исследования является определение и описание особенностей синергии мультимодальных эвиденциальных смыслов в процессе реализации интенциональной доминанты политического дискурса массмедиа. К задачам исследования относятся спецификация лингвосинергетической эвиденциальной модели, установление и объяснение мультимодальной эвиденциальной семантики с точки зрения лингвосинергетического метода анализа категории «эвиденциальность».

Материалом исследования послужили словарные определения из словаря *Longman Dictionary of Contemporary English* [11], а также 1000 дискурсивных эвиденциальных контекстов, полученных методом сплошной выборки из электронной версии журнала *The Economist* [14].

1. Методика исследования

Для проведения исследования был выбран лингвосинергетический метод эвиденциального анализа. Данный метод предполагает рассмотрение модусной категории «эвиденциальность» в рамках конкретной ситуации взаимодействия в дискурсе. Лингвосинергетический метод требует проведения анализа особенностей воздействия, оказываемого автором на читателя в рамках эвиденциального дискурсивного контекста, включающего в себя эвиденциальное высказывание, а также определение коммуникативной ситуации. Данный метод анализа также делает возможным выделение профазы (предварительной фазы, представляющей тот или иной эвиденциальный оператор, при помощи которого происходит интерпретация сведений и определение их источника), а также эпифазы (фазы реализации смыслового потенциала сообщения, в рамках которой происходит уточнение, модификация или результирование модусных смыслов, выразителем которых является профаза) в структуре любого эвиденциального высказывания [1, с. 120]. Помимо этого, лингвосинергетический метод эвиденциального анализа исследует характерные особенности взаимодействия и взаимопроникновения мультимодальных смыслов, конструируемых в результате синергии эвиденциальных операторов и маркеров других модусных категорий. В связи с тем, что взаимопроникновение модусных смыслов относится к зоне профазы, а взаимодействие – к зоне эпифазы эвиденциального высказывания, первый из указанных принципов используется с целью оказания явного, директивного воздействия на адресата, а второй – в случае неявного, опосредованного воздействия.

Лингвосинергетический метод эвиденциального анализа определяет эвиденциальность как центральный элемент синергетической эвиденциальной модели, раскрывающей специфику сцепления данной категории с другими модусными категориями. Проведенный анализ исследовательского материала по данной проблематике показал, что в дискурсивном пространстве возможны два типа мультимодального взаимодействия – взаимодействие и взаимопроникновение. Взаимодействие наблюдается в случае обнаружения добавочных модусных смыслов в промежуточной области развёртывания эвиденциального дискурсивного контекста (все его пространство, кроме узловых точек развёртывания (точек актуализации оператора) эвиденциальных высказываний), а взаимопроникновение осуществляется в ситуации коинциденции эвиденциальных смыслов и значений, выражаемых другими модусными категориями в узловых точках развёртывания исследуемого эвиденциального дискурсивного контекста [5]. Описанная выше эвиденциальная модель отражена на рис. 1.

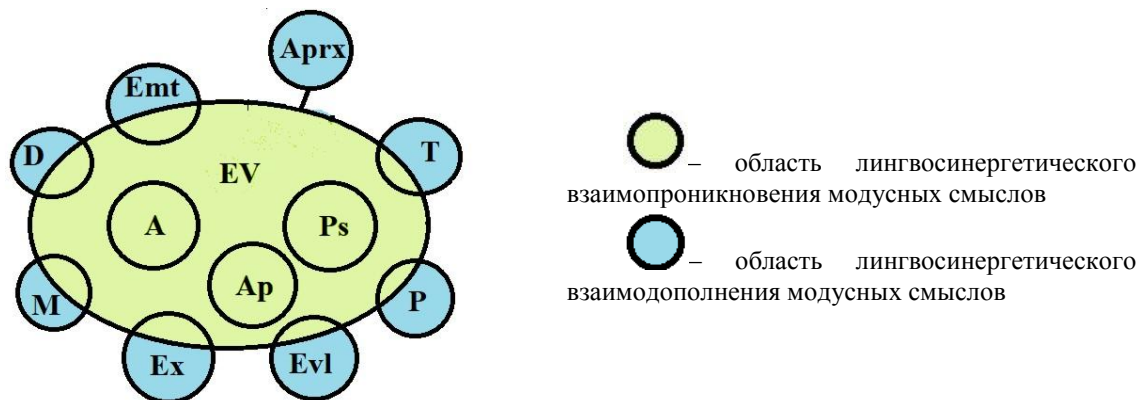

Рис. 1. Лингвосинергетическая эвиденциальная модель

Согласно представленной модели, модусная категория «эвиденциальность» (*Ev*) в смысловом плане шире категорий «персональность» (*Ps*) (соотнесение сообщения с субъектами коммуникации), «восприятие» (*Ap*) (репрезентация личности автора / субъекта коммуникации), «авторизация» (*A*) (маркировка источника сведений) и обладает семантикой указанных категорий. Помимо этого, эвиденциальные показатели могут обладать / дополняться значением категории «темпоральность» (*T*) (фиксация временной взаимосвязи происходящих событий). Тем самым, говоря о базовой эвиденциальной семантике (*Evs*), мы подразумеваем совокупность перечисленных категориальных значений. Касательно категорий «модальность» (*M*) (соотнесение высказывания с реальностью), «отрицание» (*D*) (выражение значения отсутствия чего-либо), «оценочность» (*Evl*) (квалификация сообщения автором / субъектом), «экспрессивность» (*Ex*) (передача эксплицитного отношения к сведениям), «персуазивность» (*P*) (убеждение адресата в релевантности / иррелевантности информации) и «эмотивность» (*Emt*) (отражение эмоционального состояния автора / субъекта), уместно рассуждать о взаимодополнении или взаимопроникновении модусных значений, а в контексте аппроксимации (*Aprx*) (репрезентация факта приблизительности) – исключительно о лингвосинергетическом взаимодополнении. При этом возможны разнообразные комбинации модусных значений *Evs* и *M*, *Aprx*, *D*, *Evl*, *Ex*, *P*, *Emt*.

2. Обсуждение

Применение лингвосинергетического метода эвиденциального анализа к изучению особенностей осуществления информационно-коммуникативного взаимодействия между индивидами, а также реализации выбранных автором коммуникативных стратегий и тактик с целью оказания определенного воздействия на читателя могут быть исследованы в процессе интерпретации эвиденциального дискурсивного контекста. В пространстве политического дискурса массмедиа эвиденциальность отражает основополагающую авторскую

интенцию, опирающуюся на стремление убедить читателя в релевантности / иррелевантности, достоверности / недостоверности, надёжности / ненадёжности, а также возможности / невозможности реализации передаваемых сведений для того, чтобы сформировать определенное поведение, либо восприятие действительности. Необходимость реализации одной из обозначенных интенций обуславливает активное обращение автора к семантике оценочности (*Evl*), персуазивности (*P*), модальности (*M*), эмотивности (*Emt*), аппроксимации (*Aprx*), экспрессивности (*Ex*) и отрицания (*D*). Возникновение синергии модусных смыслов находится в соответствии с принципами взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов и вербализуется с помощью эвиденциальных моделей сцепления *Evs*, *Evs+Evl*, *Evs+M*, *Evs+Ex*, *Evs+Aprx*, *Evs+D*, *Evs+Emt*, *Evs+P*, а также различных комбинаций модусных смыслов, представляющих данные модели.

Таким образом, в процессе развертывания эвиденциального дискурсивного контекста автор обращается к базовой эвиденциальной семантике – *Evs*, а также дополнительным модусным значениям *P*, *Ex*, *M*, *Evl*, *Emt*, *Aprx* для оказания необходимого воздействия на читателя. Специфика подобного воздействия зависит от коммуникативных намерений автора и интенциональности политического дискурса. Проанализируем следующие примеры:

In a report last year, the Canadian Security Intelligence Service (CSIS) said it had observed “persistent and sophisticated state-sponsored threat activity targeting elections for many years now” with “a rise in its frequency and sophistication”. It did not name the countries involved, but earlier in the year David Vigneault, the chief of CSIS, said his agency was most concerned about actions by “countries like China”. In January the Globe and Mail, a newspaper, said Canada’s spies had been briefing selected parliamentarians about influence operations by China, as well as other countries [14] / В прошлогоднем отчёте Канадской службы безопасности и разведки (CSIS) говорится, что она уже много лет наблюдает за

«беспреданными и изоцированными, спонсируемыми государством мероприятиями, ставящими под угрозу процесс выборов», характеризующимися «кротом их частоты и изоцированности». В нем не назывались страны-участники данных мероприятий, но ранее в том же году Дэвид Виньо, глава CSIS, сообщил, что его агентство больше всего обеспокоено действиями «таких стран, как Китай». В январе газета *Globe and Mail* сообщила, что канадские шпионы информировали избранных парламентариев об операциях, проводимых Китаем, а также другими странами. (здесь и далее перевод наш. – Д. К.)

Настоящий дискурсивный эвиденциальный контекст представляет собой фрагмент статьи, посвященный росту экономического и политического влияния Китая. Автор (C1) рассматривает возможные факты неэтичного поведения руководства страны в ходе осуществления операций, затрагивающих процесс выборов.

Косвенная опосредованная эвиденциальность сообщения официального представительства Канадской службы безопасности и разведки (C2) репрезентируется при помощи эвиденциальных операторов явного указания *report / отчет (a written or spoken description of a situation or event, giving people the information they need* [11] / *письменное либо устное описание ситуации или события, предоставляющее общественности необходимую информацию*), *say / говорить (to express an idea, feeling, thought etc. using words* [11] / *выражать идею, чувство, мысль посредством слов*) и *name / называть (specify (a sum, time, or place) as something desired, suggested, or decided on* [11] / *обозначать (сумму, время или место) как что-либо желаемое, предлагаемое и решенное*), используемых для передачи подтвержденных сведений о проводимых в ходе выборов мероприятиях. Наряду с этим эвиденциальный оператор *say* отражает информацию об активности ряда стран, полученную от главы CSIS Дэвида Виньо (C3), а также вводит комплексную эвиденциальную конструкцию, представляющую свидетельство газеты *Globe and Mail* (C4) о данных, представленных канадскими шпионами (C5), интерсубъективная эвиденциальность слов которых выражается посредством оператора явного указания *brief / информировать (to give someone all the information about a situation that they will need)*.

Рассматриваемый эвиденциальный дискурсивный контекст характеризуется базовой эвиденциальной семантикой (Evs) объединяя источники сведений C2, C3, C4, C5 (Ev) с автором контекста C1 (A), отражая специфику непересечения C1 с C2, C3, C4, C5 (Ps), интерпретацию сведений C1, C2, C3, C4, C5 (Ap), а также временные рамки анализируемого эвиденциального отрывка (T). Необходимо отметить, что обращение C1 к различным источникам сведений, а также дифференциация C1 от C2, C3, C4, C5 может быть вызвана стремлени-

ем автора повысить достоверность передаваемой информации. Тем самым формируемая C1 эвиденциальная семантика (Evs), призванная информировать читателя (O) о проводимых Китаем операциях, дополняется стремлением убедить O в релевантности данных сведений. При этом восприятие O информации формируется C1 посредством конструирования и модификации сведений C2, C3, C4, C5 и репрезентируется в рамках сочетания Evs со значениями других модусных категорий.

Так, в рамках реализации принципа взаимодополнения модусных смыслов эвиденциальность дополняется семантикой эмотивности (Emt), выражаемой клаузой *his agency was most concerned about actions by "countries like China" / его агентство больше всего обеспокоено действиями «таких стран, как Китай»*, отражающей явную обеспокоенность C2 и C3 действиями Китая и актуализирующей эмоционально-возбуждающую стратегию воздействия на O.

Кроме того, эвиденциальная семантика расширяется за счет экспрессивности (Ex), обнаруживаемой в показателях *persistent / беспреданный, sophisticated / изоцированный*, выражающей субъективное и эмоциональное отношение C2 к проводимым операциям и призванной привлечь внимание O.

Наконец, эвиденциальность дополняется отрицанием (D), что проявляется в сочетании эвиденциального оператора *name / называть* с маркером отрицания *not / не*. Подобная семантика демонстрирует нежелание C1 брать на себя ответственность за передаваемые сведения, позволяя O самостоятельно сделать необходимые C1 выводы на основании уже имеющихся данных.

Тем самым в пространстве анализируемого дискурсивного контекста базовая семантика Evs дополняется значениями Emt, Ex и D, формируя лингвосинергетическую модель сцепления $Evs+Emt+Ex+D$. Такого рода мультимодальная семантика может быть призвана оказать воздействие на O, убедив его в достоверности и релевантности представленных сведений.

Indeed, the second-round poll dynamic has shifted in Mr Macron's favour. The more Ms Le Pen's manifesto has come under scrutiny, the wider Mr Macron's lead has become. This was particularly evident during their one and only head-to-head debate on April 20th, which lasted over two-and-a-half hours. Mr Macron laid into Ms Le Pen's links to Russia, reminding viewers of her outstanding loan from a Russian bank: "You are speaking to your banker when you speak to Russia." Her "fantasy" of building an "alliance of nations" within the European Union, he said, amounted to nothing less than "taking France out" of the union [14] / Действительно, динамика второго тура голосования изменилась в пользу г-на Макрона. Чем больше внимания уделялось манифесту г-жи Ле Пен, тем более упрочивалось лидерство г-на Макрона. Это стало особенно

очевидно во время их единственных личных дебатов 20 апреля, которые длились более двух с половиной часов. Г-н Макрон **раскритиковал** связь г-жи Ле Пен с Россией, **напомнив** зрителям о непогашенном займе, взятом ее партией в российском банке: «Вы говорите со своим банкиром, когда говорите с Россией». Он сказал, что ее «мечта» о создании «союза наций» в Европейском союзе приведет лишь к «исключению Франции» из состава союза.

Анализируемый дискурсивный контекст является фрагментом статьи, освещающей политические теледебаты кандидатов на должность президента Франции Эммануэля Макрона и Марин Ле Пен.

Семантика прямой непосредственной эвиденциальности актуализируется посредством эвиденциального оператора усиления значимости высказывания *indeed / действительно (used to introduce an additional statement that emphasizes or supports what you have just said [11] / используется для введения дополнительного утверждения, которое подчёркивает или поддерживает то, что вы только что сказали)* и сочетания оператора усиления значимости высказывания *particularly / особенно (more than usual or more than others [11] / больше, чем обычно или больше других)* и оператора уверенности в знании *evident / очевидно (easy to see, notice, or understand [11] / легко увидеть, заметить или понять)*, репрезентирующих авторский (C1) анализ промежуточных результатов второго тура голосования. Косвенная опосредованная эвиденциальность слов Э. Макрона (C2) передается с помощью эвиденциального оператора усиления значимости высказывания *lay into / раскритиковать (to attack or criticize someone or something [11] / атаковать или критиковать кого-либо или что-либо)*, оператора умственного восприятия *remind / напоминать (to make someone remember someone that they know or something that happened in the past [LDOCE] / заставить вспомнить кого-либо знакомого или что-либо, что произошло в прошлом)*, а также оператора явного указания *say / сказать (to express an idea, feeling, thought etc. using words [11] / выразить идею, чувство, мысль посредством слов)*. Указанные операторы используются для представления содержания высказываний C2 в адрес своего оппонента М. Ле Пен.

Последовательность употребления эвиденциальных операторов в настоящем дискурсивном эвиденциальном отрывке способствует реализации коммуникативной стратегии C1, направленной на оказание директивного воздействия на восприятие действительности потенциальным читателем (O). Осуществляя воздействие на контрольно-регулятивную функцию сознания O, C1 стремится подчеркнуть истинность и безапелляционность приводимых суждений за счёт обращения к позиции C2. При этом эффект суггестивного воздействия на O интенсифицируется благодаря сочетанию

эвиденциальной семантики (Evs) со значениями, репрезентируемыми другими модусными категориями в рамках реализации принципов взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов.

Эвиденциальность пересекается с персуазивностью (P) в маркере *evident / очевидно*. Посредством данного оператора C1 осуществляет квалификацию передаваемых сведений и их источника, демонстрируя абсолютную уверенность в достоверности приводимых доводов об изменении динамики голосования в пользу C2. При этом суждения C1 основываются как на подтвержденных фактах, так и на его субъективном восприятии действительности и сопутствующих выводах. Таким образом, C1 может формировать у O схожее восприятие действительности, убеждая последнего в своей правоте.

Эвиденциальность также дополняется оценочностью (Evl) в промежуточной области развёртывания эвиденциального дискурсивного контекста. Оценочная семантика репрезентируется маркером *dream / мечта*, используемым C1 в ходе передачи мнения C2 касательно создания г-жой Ле Пен «союза наций» и демонстрирующим его скептическое отношение к перспективам и возможным последствиям возникновения подобного «союза». Подобная семантика может исказить восприятие действительности O в случае принятия последним позиции C1.

Таким образом, рассматриваемый эвиденциальный отрывок представляет эвиденциальную модель *Evs + P + Evl*. Выявленная мультимодальная семантика соответствует принципам реализации модусных значений в рамках политического дискурса массмедиа.

The worst drought in the Horn of Africa since 1981, together with conflict in Ethiopia, may lead to as many as 20m people going hungry this year, the UN warned. It says that about 6m people in Somalia are almost on the brink of famine. In addition, millions more are starving in Ethiopia's rebel-held Tigray region [14] / ООН предупредила, что самая сильная засуха на Африканском Роге с 1981 года, наряду с конфликтом в Эфиопии, может привести к голоданию порядка 20 миллионов людей в этом году. Организация сообщила, что около 6 миллионов человек в Сомали находятся практически на грани голода. Кроме того, еще миллионы людей голодают в удерживаемом повстанцами регионе Тиграй в Эфиопии.

Данный эвиденциальный дискурсивный контекст репрезентирует фрагмент авторского дайджеста (C1), посвящённого анализу наиболее значимых событий в мире политики.

Эвиденциальность настоящего контекста актуализируется посредством оператора предчувствия *warn / предупреждать (to tell someone about something before it happens so that they are not worried or surprised by it [11] / говорить кому-*

либо о чем-то до того, как это произойдет, чтобы они не волновались или не удивлялись этому), оператора явного указания *say* / *сообщать* (to express an idea, feeling, thought etc. using words [11] / *выразить идею, чувство, мысль посредством слов*), а также оператора неявного указания *in addition* / *кроме того* (used to add another piece of information to what you have just said [11] / *используется для того, чтобы добавить некоторое количество сведений к тем, что вы только что сообщили*), выражающих субъективную засвидетельствованность позиции представительства ООН (C2) касательно возможных последствий вооруженного противостояния между федеральным правительством Эфиопии и властями автономного региона Тыграй, а также засухи на Африканском Роге.

В рамках анализируемого эвиденциального контекста автор (C1) выстраивает повествование определенным образом, умело оперирует имеющимися данными о напряженной обстановке на Африканском континенте, вызванной вооруженным конфликтом и засухой, подчеркивает достоверность информации за счёт использования эвиденциальных операторов различных групп, а также обращения к надежному источнику сведений, в качестве которого выступает официальное представительство ООН (C2). При этом базовая эвиденциальная семантика (*Evs*) дополняется значением других модусных категорий, что усиливает эффект воздействия на читателя (*O*).

Эвиденциальная семантика сочетается со значением модальности, в контексте обращения C1 к модальному маркеру *may* / *может*, дополняющему эвиденциальный оператор *warn* / *предупреждать*, свидетельствующего об обеспокоенности C2 сложившейся ситуацией и придающего репрезентируемым сведениям выводной характер. Подобная семантика может иметь целью акцентировать внимание потенциального читателя на описываемой проблеме, а также убедить *O* в ее релевантности.

Наряду с этим эвиденциальность дополняется семантикой аппроксимации, что выражается в ис-

пользовании C1 аппроксиматора *almost* / *практически*. Обращение к данному языковому показателю связано с нежеланием C1 представить полную картину происходящего, актуализация которой может вызвать социальную напряженность *O*.

Таким образом, настоящий эвиденциальный дискурсивный контекст представляет эвиденциальную модель *Evs + M + Aprx*, актуализирующую коммуникативный замысел C1 в рамках политического массмедийного дискурса.

Немаловажно, что ограниченный объём настоящей статьи не позволяет представить анализ значительного количества эвиденциальных дискурсивных контекстов. Приведенные дискурсивные отрывки являются примерами возможной мультимодальной семантики политического дискурса массмедиа.

3. Основные результаты

Таким образом, в результате проведенного лингвосинергетического анализа было установлено, что в пространстве политического дискурса массмедиа эвиденциальность может пересекаться со значениями других модусных категорий в узловых точках или в промежуточной области разветвления эвиденциального дискурсивного контекста. Мы изучили 1000 дискурсивных эвиденциальных контекстов, полученных методом сплошной выборки из электронной версии журнала *The Economist*. Анализ показал, что значение эвиденциальности – *Evs* (4,9 % примеров) может сочетаться с семантикой эмотивности – *Emt* (13,9 % примеров), экспрессивности – *Ex* (8,1 % примеров), персуазивности – *P* (35,2 % примеров), модальности – *M* (15,7 % примеров), оценочности – *Evl* (9,8 % примеров), аппроксимации – *Aprx* (2,4 % примеров) и отрицания – *D* (10 % примеров) и выражаться при помощи различных лингвосинергетических моделей сцепления. Полученные данные содержатся в диаграмме (рис. 2).

Из диаграммы следует, что в рамках политического массмедийного дискурса мультимодальная эвиденциальная семантика в большинстве случаев актуализируется лингвосинергетической мо-

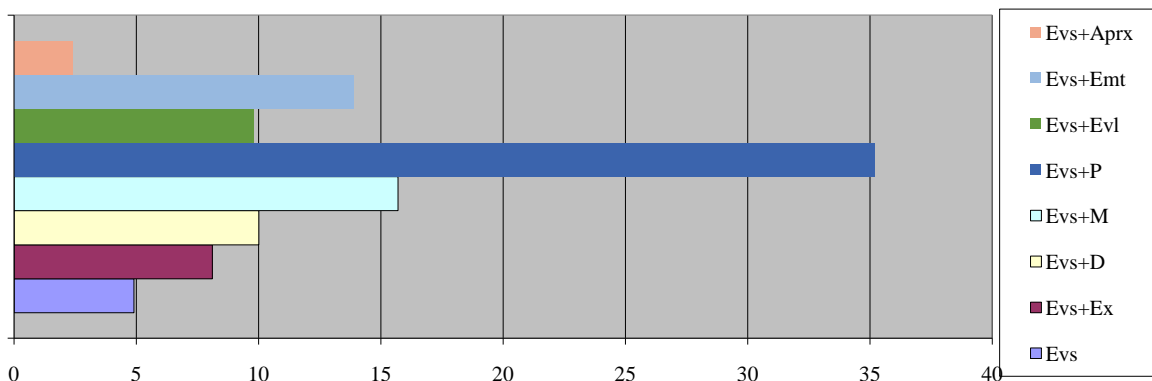

Рис. 2. Лингвосинергетические модели сцепления эвиденциальности и других модусных категорий

делью *Evs+P*. Можно отметить значительное количество обращений к моделям *Evs+M*, *Evs+D*, *Evs+Emt* и *Evs+Evl*. В свою очередь, крайне редко наблюдается обращение к модели *Evs+Aprx*, а также к базовой эвиденциальной семантике *Evs*. Выявленная количественная дифференциация моделей может объясняться важностью осуществления коммуникативной стратегии убеждения читателя посредством рационального и эмоционального воздействия в пространстве политического массмедийного дискурса, а также принадлежностью данного дискурсивного жанра к персуазивной группе, что объясняет интенцию автора к формированию определенного восприятия либо моделированию поведения потенциальной аудитории. Персуазивная доминанта политического дискурса массмедиа представлена лингвосинергетической моделью *Evs+P*, выступающей в качестве инструмента реализации коммуникативно-прагматической стратегии убеждения автора и позволяющей манипулировать сознанием и поведением читателя за счет интенсификации / редуцирования истинности пропозиции посредством определенного эвиденциального оператора, а также в зависимости от эксплицитного / имплицитного характера персуазивной семантики. Реализации коммуникативной стратегии убеждения исследуемого жанра дискурса также способствуют другие модусные категории, обращение к семантике которых отражается лингвосинергетическими моделями *Evs+M*, *Evs+D*, *Evs+Emt* и *Evs+Evl*. Данные модели связывают эвиденциальную семантику с авторской / субъектной квалификацией явлений действительности (*M*); указывают на высокий коммуникативный потенциал высказывания за счёт изменения / отрицания видения действительности читателем (*D*); являются выразителями авторской / субъектной «лингворефлексии» (*Emt*), а также создают образный аспект политического дискурса массмедиа с помощью языковых средств (*Evl*). Кроме того, полученные результаты исследования могут быть связаны с такими характерными особенностями английского коммуникативного поведения, как эмоциональная оценка информации, коммуникативная неформальность, а также тенденцией к оказанию коммуникативной поддержки собеседнику. Вопреки нехарактерной для английской коммуникативной культуры тенденции к трансформации поведения собеседника, доминирующей стратегией применительно к ведению политических дебатов, а также в области политической пропаганды является стратегия убеждения [9].

Заключение

В ходе проведения данного исследования были определены и описаны 8 лингвосинергетических моделей сцепления эвиденциальности с другими модусными категориями в рамках политического массмедийного дискурса. Ярко выраженная

мультимодальная семантика данного дискурсивного жанра объясняется его глобальным предназначением, связанным с необходимостью формирования общественного мнения в пространстве массмедиа. Именно данная цель обуславливает специфику воздействия автора на конечного адресата дискурса при помощи языковых средств эвиденциальности и приводит к обращению к добавочным модусным смыслам в процессе передачи сообщения и маркировки его источника. При этом количество обнаруженных эвиденциальных лингвосинергетических моделей сцепления подчеркивает значимость осуществления всеобъемлющего и направленного воздействия на потенциального читателя дискурса. Тем не менее в процентном отношении главенствующая роль определенно отводится моделям, характеризующимся дополнительным персуазивным значением.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в рамках политического дискурса массмедиа эвиденциальность предстает в качестве инструмента оказания воздействия на мнение и поведение аудитории относительно репрезентируемых сведений, способствуя реализации его интенциональной доминанты, основывающейся на убеждении и побуждении читателя к тем или иным действиям, а также представлении фактов в необходимом автору свете.

Важно подчеркнуть, что описанные лингвосинергетические модели сцепления, а также выражаемые посредством данных моделей мультимодальные смыслы постоянно взаимодействуют друг с другом и отражают сложный способ осуществления коммуникативного замысла автора. Очевидно, что политический дискурс массмедиа включает в себя различного рода сведения, а также переплетающиеся и взаимопроникающие высказывания, выступающие результатом авторской интерпретации передаваемой информации и указания ее источника. Возникающая в результате мультимодальная семантика способствует построению взаимосвязи автора с читателем и придает описываемым сведениям добавочные аксиологические значения, определяющие особенности восприятия и квалификации полученных сведений адресатом.

Литература

1. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М.: Либроком, 2011. – 288 с.
2. Гаспарян, О.Т. Интенциональные стратегии современного рекламного дискурса / О.Т. Гаспарян: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 155 с.
3. Ермакова, Л.В. Аксиологичность дискурса СМИ / Л.В. Ермакова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 67–77.
4. Желтухина, М.Р. Медиадискурс / М.Р. Желтухина // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 292–296.

5. Козловский, Д.В. Особенности взаимодействия модусной категории «эвиденциальность» с категориями «авторизация» и «аппроксимация» в дискурсивном пространстве массмедиа / Д.В. Козловский // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – Т. 27, № 4. – С. 122–130.
6. Лунина, Т.П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке / Т.П. Лунина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5 (148). – С. 92–97.
7. Никитина, К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США) / К.В. Никитина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2006. – 24 с.
8. Никонова, Е.А. Реализация категории эвиденциальности в аналитической статье англоязычной качественной прессы / Е.А. Никонова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 67–83.
9. Стернин, И.А. Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. – 224 с.
10. Чепурная, А.И. Эвиденциальная модализация высказывания в новостном дискурсе: функциональный аспект / А.И. Чепурная // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 158–170.
11. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Longman, 2022. – <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 20.04.2022).
12. Nuckolls, J. Evidential strategies in interactional and socio-cultural context / J. Nuckolls, L. Michael // Pragmatics and Society. – 2012. – P. 181–188.
13. Söderqvist, E.B. Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English / E.B. Söderqvist // Research in Corpus Linguistics, 2017. Vol. 5. P. 17–33.
14. The Economist. – 2022. – <https://www.economist.com/> (дата обращения : 20.04.2022).

Козловский Дмитрий Валентинович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А. (Саратов), kozlovskydv@yandex.ru

Поступила в редакцию 28 апреля 2022 г.

DOI: 10.14529/ling220402

REPRESENTATION OF MULTIMODAL EVIDENTIAL SEMANTICS IN POLITICAL MASS MEDIA DISCOURSE

D.V. Kozlovsky, kozlovskydv@yandex.ru
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation

The purpose of this article is to study the specifics of the synergy of evidential semantics with the meanings of other modus categories in the space of mass media political discourse. The study is based on 1000 discursive evidential contexts from the electronic version of the British newspaper “The Economist”, obtained by continuous sampling. The research applies the linguosynergetic method of discourse analysis, which makes it possible to describe a synergetic evidential model and identify additional multimodal semantics, alongside with the main notion of this category, which implies the qualification of a source of information about a particular event. The study proved that the basic evidential semantics (evidentiality, authorization, personality, perception, temporality) can be expanded by including in its semantic field the values of approximation, negation, modality, evaluativity, expressivity, emotiveness and persuasiveness in the context of implementing the principles of complementarity and interpenetration of modal meanings. The described multimodal evidential semantics is actualized in the discursive space by means of various linguosynergetic models of linkage, reflecting the intentional dominant of the political mass media discourse, associated with the need to persuade and encourage the reader to take certain actions, as well as to present facts in accordance with the author’s needs. The significance of the given study lies in the possibility of further utilization its results in the course of studying the features of the representation of the suggestive strategy of political discourse through evidential meanings, as well as the classification of types of suggestive evidentiality in the discursive space.

Keywords: evidentiality, modus category, political discourse, linguosynergetics, author, reader

References

1. Borbot'ko V.G. *Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [Principles of discourse formation: psycholinguistics and linguosynergetics]. Moscow: Librokom, pp. 150–152. (in Russ.)
2. Gasparyan O.T. *Intentsional'nye strategii sovremennogo reklamnogo diskursa*. Dis. kand. filol. nauk [Intentional strategies of modern advertising discourse. Cand. sci. diss. (Linguistics)]. Moscow, 2017. 155 p. (in Russ.)
3. Ermakova L.V. *Aksiologichnost' diskursa SMI* [Axiological aspect of mass-media discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 67–77. (in Russ.)
4. Zheltukhina M.R. *Mediadiskurs* [Media Discourse]. *Diskurs-Pi* [Discourse P]. 2016, no. 3–4 (24–25), pp. 292–296.
5. Kozlovskiy D.V. *Osobennosti vzaimodeystviya modusnoy kategorii "evidentsial'nost'" s kategoriyami "avtorizatsiya" i "aproximatsiya" v diskursivnom prostranstve massmedia* [Different types of interaction of the modus category of evidentiality with authorization and approximation in the mass media discourse]. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2021, vol. 27, no. 4, pp. 122–130. (in Russ.)
6. Lunina T.P. *O sredstvakh vyrazheniya kosvennoy evidentsial'nosti v russkom yazyke* [Means of reported evidentiality expression in the Russian language]. *Izvestia of VSPU* [Bulletin of VSPU]. 2020, no. 5 (148), pp. 92–97. (in Russ.)
7. Nikitina K.V. *Tekhnologii rechevoy manipulyatsii v politicheskom diskurse SMI (na materiale gazet SShA)*. Dis. kand. filol. nauk [Technologies of speech manipulation in the political media discourse (based on US newspapers)]. Cand. sci. diss. (Linguistics). Ufa, 2006. 24 p.
8. Nikonova E.A. *Realizatsiya kategorii evidentsional'nosti v analiticheskoy stat'e angloyazychnoy kachestvennoy pressy* [Implementation of Category of Evidentiality in Analytical Article of English-Language Quality Press]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2022, vol. 11, no. 1, pp. 67–83. (in Russ.)
9. Sternin I.A., Larina, T.V., Sternina M.A. *Ocherk amerikanskogo kommunikativnogo povedeniya* [Essay on English communicative behavior]. Voronezh, VGU-MION, 2001. 224 p. (in Russ.)
10. Chepurnaya A.I. *Evidentsial'naya modalizatsiya vyskazyvaniya v novostnom diskurse: funktsional'nyy aspekt* [Evidential Modification of a Statement in a News Discourse: A Functional Aspect]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2020, no. 5, pp. 158–170. (in Russ.)
11. *Longman Dictionary of Contemporary English* [Electronic resource]. 2022. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (accessed: 20.04.2022).
12. Nuckolls J., Michael L. Evidential strategies in interactional and socio-cultural context. *Pragmatics and Society*. 2012, pp. 181–188.
13. Söderqvist E.B. Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English. *Research in Corpus Linguistics*, 2017, vol. 5, pp. 17–33.
14. *The Economist*. 2022. URL: <https://www.economist.com/> (accessed: 20.04.2022).

Dmitriy V. Kozlovsky, Candidate of Philological Science, associate professor, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov), kozlovskydv@yandex.ru

Received 28 April 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Козловский, Д.В. Репрезентация мультимодальной эвиденциальной семантики в политическом массмедийном дискурсе / Д.В. Козловский // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 12–20. DOI: 10.14529/ling220402

FOR CITATION

Kozlovsky D.V. Representation of Multimodal Evidential Semantics in Political Mass Media Discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2022, vol. 19, no. 4, pp. 12–20. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling220402
